

РЕЦЕНЗИИ

Новые уроки старой науки о счастье,
или Почему искусство жизни возможно*

Д. А. Гусев

Рецензия на книгу:

Лейард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. — 416 с.

Почетный профессор Лондонской школы экономики, директор Центра экономического развития лорд Питер Ричард Гренвилл Лейард хорошо известен среди экономистов и философов как в меру эксцентричный джентльмен почтенного возраста с несколько левыми взглядами. Его последняя и главная страсть – охота за счастьем, а учрежденное им движение Action for Happiness (<http://www.actionforhappiness.org>) занимается пропагандой основных техник достижения счастья в эпоху развитого капитализма. «Позитивные социальные изменения – наша цель», – пишут сподвижники Лейарда.

Ричард Лейард считается фактическим основателем такого малоизвестного для отечественного читателя направления в экономике и философии как «экономика счастья». Именно он ввел в оборот эту терминологию, так тепло принятую современным истеблишментом в качестве новой меинстримовой *idee fixe* социальной политики. Классическая и неоклассическая экономические теории, основанные на идее благосостояния и непрерывного экономического роста, в какой-то момент перестали гарантировать электоральный результат

* Материал подготовлен в рамках проекта РФГФ № 12-33-01296.

в развитых странах (а программа роста всеобщего счастья по Лейарду предназначается, прежде всего, таким странам). Возникшую потребность в нематериальном стимулировании жизни удовлетворил тезис лорда Лейарда: лучшее общество (соответственно политика) – то, в котором люди счастливее всего, а лучшая экономика – та, которая стремится увеличить количество счастья людей. Такого рода идея стала удачным инсайтом для экономики, значительную часть своей осмысленной истории прошагавшей под кеинсианским лозунгом о том, что в долгосрочной перспективе все мы трупы. Экономическая наука, еще со времен «Капитала» Маркса ассоциировавшаяся с диккенсовскими работными домами, в которых дети падают замертво от переработок, получила реальный шанс заговорить на языке, понятном людям, а не условным экономическим агентам. Политика, подхватывая «экономику счастья» в качестве штандарта, впрочем, делает хорошую мину при плохой игре: она-то давно знакома с требованием всеобщего счастья, и дело тут не только в подмочивших свою репутацию социалистических идеях или почивших в бозе проектах а-ля поселки Майкла Оуэна, или скажем, «красных» коммунистах. Совсем наоборот, всеобщее и бескомпромиссное счастье – и есть реальное дело любой политики. Политика, еще описанная Аристотелем, стала буквально нареченной практикой счастья для многих. Другое дело, что в ней (как и в этике) неожиданно обнаружилась комфортно расположившаяся натуралистическая ошибка, когда счастье (как конечная цель всякой жизни и деятельности) определялось через средства его достижения. Экономика, будучи, подобно этике, подручной дисциплиной, вдруг (века с XVII, стараниями Просвещения) приобрела собственную телеологию, точнее заменила телеологию политики, замкнув последнюю на себя, в результате чего счастье превратилось в обратную сторону национального благосостояния и экономического роста. Что бы сказал Аристотель, если бы узнал, что конечное благо, или благо само по себе, на протяжении многих десятилетий измерялось конкретными благами, точнее возможностью обладания ими и скоростью производства этих благ в обществе...

Монография «Счастье: уроки новой науки», дважды пере-

изданная в Великобритании (в 2005 и 2011 гг.) и переведенная на большинство европейских языков, издается на русском впервые, причем ни много, ни мало Институтом Гайдара, что свидетельствует о значимости идей Лейарда, даже в такой консервативной среде, как отечественные экономисты. По-видимому, дело в том, что Лейард, начинавший карьеру ученого с взрывоопасных по тэтчеровским временам исследований безработицы и общедоступности образования в Великобритании, обладает необходимой смелостью предъявить политике всю абсурдность ее нынешнего status quo. По мере того, как западные общества становятся богаче, – пишет он, – люди в них не становятся счастливее. Зачем нужна такая экономическая философия (и вообще любая философия), которая не прибавляет счастья? При безусловно правильной постановке вопросе, стилистика Лейарда, конечно же, наследует классической экономической теории: отсутствие роста счастья для него означает стагнацию общества, фактическое уменьшение объема счастья, его количества. Темпы роста экономики должны быть заменены темпами увеличения объема совокупного счастья. Впрочем, это не главная и не самая слабая точка его теории, прозванной критиками «теорией градусника счастья». Для Лейарда, и он на протяжении всей монографии пытается это аргументированно показать, счастье является количественно схватываемым явлением. Иначе и не было бы никакой «экономики» счастья, если бы не появилась возможность его фиксировать и объективировать в конкретные закономерности. Философия И. Бентама как нельзя лучше отвечает требованиям Лейарда – в ней обнаруживаются три кита «экономики счастья»: счастье как главный приоритет политики, важность счастья каждого отдельного человека и, наконец, счастье как личное дело каждого, переживание которого требует скрупулезной фиксации. Во всех трех аспектах на помощь Бентаму (а с ним и Лейарду) приходят современные исследования в области морали, психологии (так называемая «позитивная психология», когнитивная терапия и исследования поведения) и институциональная экономика. По сути своей, монография представляет собой вполне тривиальное рассуждение о природе счастья с точки

зрения современной науки, преимущественно психологии, экономики и морали. Остроты этому рассмотрению придает непоколебимая и практически мессианская уверенность автора в том, что счастье есть предел и крайний рубеж человеческих устремлений. Действительно, если желать не счастье себе, то что?..

Кроме этого, принципиально новым (с точки зрения современной позитивной науки) оказывается презумпция объективного характера счастья как переживания. То, что еще Аристотелем принималось за самоочевидный изъян счастья, Лейардом ставится во главу всего рассуждения: счастье субъективно, и его переживание есть главное подтверждение нашего стремления к нему. Высшим благом не может и не должно стать идеальное (идеализированное) состояние общества, какой бы смысл философы не вкладывали в это, отнюдь. Высшее благо как категория вообще изживает себя в экономике счастья, построенной на идее единичного переживания, фиксируемого энцефалограммой и/или психологическими тестами и опросниками. С естественнонаучной точки зрения такая логика убедительна и перспективна. Однако замеры уровня счастья (или серотонина) не дают никакого прагматического знания о будущем действии в направлении счастья (и автор сам соглашается с этим, потому как наука ничего не может предложить для счастья, кроме как создать условную «машину счастья», которую описывает, например, Нозик, и косвенно воплощенную в союзе фармацевтов и психиатров, масштабно предлагающих антидепрессанты). Для Лейарда важно не столько установить реальность счастья как переживания (локализовать его естественнонаучными методами), но понять, что является фактическим источником этого переживания, выявить факторы счастливой жизни и предъявить их экономике и политике.

Список факторов счастья в принципе может оказаться бесконечным; с этим столкнулся еще Аристотель, пытаясь вывести уникальную формулу такого поведения человека, которое бы наверняка вело его к счастью. Экономика счастья Лейарда идет тем же путем, отталкиваясь от повседневной практики и регулярного поведения. Сначала отбрасывается самый

очевидный вариант: счастье как продолжение и спутник богатства (благополучия). Развитые страны и состоятельные общества по статистике испытывают меньше счастья, а динамика его прироста в них минимальна. Скорее наоборот, цивилизованный мир сталкивается с ростом преступности, насилия, депрессивного поведения и радикальной неуверенности его членов в связи с увеличением достатка. Более того, общий совокупный доход общества в сравнении с доходом конкретного человека, бьет по его чувству счастья, тем самым, снижая общий уровень счастья. Гедонизм также не дает возможности ощутить себя счастливым: он задает темп потребления удовольствий, держать который невозможно, а самое главное деструктивно (и это заметили еще психоаналитики, анализируя феномен желания). Другой подход к счастью напоминает дарвиновский, а именно он выделяет пять практически биологических позиций, которые вполне могли бы определять уровень счастья: возраст, пол, внешность, интеллект, образование. И снова мимо: исследования показывают полное отсутствие корреляции уровня счастья с перечисленными параметрами. Другими словами, молодые здоровые мужчины не счастливее старых некрасивых женщин, а посредственности в среднем столь же рады жизни, что и яйцеголовые. На помощь исследователю здесь приходит институциональная экономика и когнитивная психология: стоит обратиться не к «носителю» счастья, а его представлениям о нем, ценностным структурам, играющим самую важную роль в жизни человека. В итоге на нас влияет так называемая «большая семерка» факторов: семейные отношения, финансовая ситуация, общество и друзья, здоровье, личная свобода, личные ценности. Важно отметить, что это по большей части сложные комплексы представлений человека. Взять, например, финансовую ситуацию: сразу же становится понятно, почему идея общества благополучия терпит фиаско в ракурсе счастья – богатство относительно, респонденты переживают зачастую не из-за того, что они лишены средств, но их волнует сравнение с более успешными членами их группы. Или людей чаще волнует не богатство общества а вполне понятные проблемы собственной безопасности, необходимости адаптироваться к обще-

ству. Семейные отношения также конфигурируют чувство счастья: в конечном итоге, отмечают респонденты, привязанность и внимание важнее, чем условное богатство. Наконец, личная свобода и ценности, которые можно объединить в группу «личная философия»: здесь важно не только в какой стране вы живете и в какой мере обладаете политическими и гражданскими свободами, важно, что вы ожидаете от себя, каковы ваши жизненные цели, и насколько они соотносятся с вашими реалиями и возможностями. На эту группу факторов накладываются внешние институциональные обстоятельства, мультиплицирующие счастье, либо наоборот снижающие его присутствие в жизни. Таковыми обстоятельствами можно считать уровень доверия в обществе, чувство справедливости, гендерные роли, влияние медиа. Несложно заметить, что последние упомянутые обстоятельства, относятся к тому, что достаточно долго в науке презрительно именовалось «антропологическими составляющими».

Перечисленные восемь факторов в итоге и оказываются ключевыми в лейардовской «науке счастья»...

Увы, именно они то и не становятся основной интригой книги, так как их количественный прирост вполне связан с конкретными психологическими практиками и экономическими стратегиями. То есть, счастье для лорда Лейарда оказалось даже не набором благ, а однозначным ростом определенных показателей, индексов, если говорить экономически. А здесь уже работает совсем другая философия.